

Е.А. Пивнева

Россия, Москва

Институт этнологии и антропологии РАН

Коренные малочисленные народы Севера в поликультурном пространстве Западной Сибири: к проблеме этнической идентификации

Специфика этнокультурной ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, на материалах которого базируется настоящий доклад, во многом определяется миграцией населения. Примерно с середины 1960-х годов, когда Западная Сибирь стала ареной активного нефтегазового освоения, началось массовое и «взрывное» заселение региона. В настоящее время в ХМАО – Югре проживают представители более 120 народов, при этом 82% приходится на три основные этнические группы – русские, татары и украинцы. Внешние миграционные потоки способствовали уменьшению доли представителей коренных малочисленных народов Севера (ханты, манси, ненцы) в общей численности населения округа (около 2%). В данном контексте научный интерес и прикладное значение имеют вопросы: что представляют собой социокультурные практики, поддерживающие в условиях «асимметричного взаимодействия» и унификации жизни этническую идентичность аборигенных сообществ? На чем основываются этнические границы? Как этничность превращается в ресурс и каким образом он используется?

Результаты проведенных в различных сибирских регионах исследований показали, что в настоящее время новые социальные границы и взаимодействия зачастую формируются в условиях борьбы за доступ и доминирование в сфере добычи природных ресурсов. «Эти границы выстраиваются вдоль линий “за” и “против” тех или иных экономических, социальных, культурных решений и проектов, определяются объемом и характером включенности в конфликты и противостояния, формируют новые атрибуты лидерства и маргинальности, задают координаты мировоззренческих сдвигов, порождают новые формы выражения солидарности и протеста» [«Ресурсное проклятие», 2019. С. 7]. Именно такая ситуация сложилась в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, где активация этнокультурного потенциала коренных малочисленных народов Севера во многом базируется на сопротивлении нефтяному доминированию, ставшему мощным фактором их консолидации и роста этнического самосознания.

В борьбе за свои права, за возможность самостоятельно определять параметры своей жизни северные аборигены добились определенных результатов. Достигнут известный компромисс в развитии промышленного производства и традиционных отраслей хозяйства, принят целый комплекс нормативно-правовых актов, значительно расширяющих права коренного населения. Можно сказать, что аборигенная (индигенная) идентичность из «рудимента» превратилась в мощный ресурс социокультурного развития и инструмент политического манипулирования. Реализуясь в качестве политического проекта, она (вос)производится с подачи этнических активистов, с опорой на международное движение коренных народов. Их российские представители активно участвуют в деятельности международных организаций, осваивают опыт аборигенного самоуправления и апеллируют к мировому сообществу. Такая идентичность близка к инструментальному пониманию, ее можно рассматривать как стратегию, направленную на достижение определенных целей: самопрезентации, уважения к себе (группе), ощущения психосоциального благополучия, признания со стороны значимых других [Филиппова, 2010. С. 46].

Актуализация аборигенной идентичности – это также некое противодействие современным технологиям и коммуникациям, создающим глобальность. Очевидно, что глобализация имеет ярко выраженную тенденцию к унификации культур, что вызывает у людей потребность в культурном самоутверждении и желание сохранить собственные культурные (этнические) ценности. Этнологи-профессионалы внимательно следят за происходящим и указывают на очевидный парадокс: «Чем сложнее становится различия

констатировать, тем упорнее они заявляют о себе» [Филиппова, 2010. С. 41]. В современных условиях большую роль в этом процессе играет историко-культурное наследие, которое в форме традиций, образов, символов и знаков выступает эффективным средством (вос)производства этничности.

Прослеживается некоторая сопряженность современных конфигураций этнических границ с идентичностью, полученной «извне». Как отмечают некоторые исследователи, введенная и утвердившаяся в советское время номенклатура народов Севера оказывает существенное влияние на их самосознание. «Теперь, после нескольких десятилетий, когда эта номенклатура широко использовалась в официальных документах (таких, как свидетельство о рождении, паспорт, похозяйственные книги, различные справки, списки и отчеты), а также в литературе и средствах массовой информации, многие народы Севера отчасти приняли ее, – справедливо считает Н. Б. Вахтин. – Более того, в политических движениях народов Севера с начала 1990-х годов широко используется термин «коренные малочисленные народы Севера» как единое «этническое» самоназвание, позволяющее лидерам этих народов находить общую платформу при выдвижении политических требований» [Вахтин, 2001. С. 20].

В то же время известно, что в современных условиях подобного рода социальные сообщества (даже на уровне отдельных народов) внутренне неоднородны. Они включают в себя ряд групп, весьма различных по степени воспроизводства традиционного образа жизни и интегрированности в социальные институты современного общества. В связи с этим в качестве одной из перспективных исследовательских задач этнологии представляется изучение транскультурных идентичностей, когда люди живут и мыслят себя одновременно в разных культурных измерениях.

Список литературы:

Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.

«Ресурсное проклятие» и социальная экспертиза в постсоветской Сибири: антропологические перспективы» / отв. ред. Д. А. Функ. М.: ООО «Типография «Демос», 2019.

Филиппова Е.И. Территории идентичности в современной Франции. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2010.